

[Ззз-зз...]

[Добро пожаловать, игроки, в отборочный тур «Смертельной ставки»!]

[Системное сообщение: привязка личности игрока...]

[Ди...]

[Личность игрока успешно привязана! Загрузка сценария: «Старшая школа горы Ушань»!]

[Пожалуйста, пройдите отборочный тур и постарайтесь выжить!]

[Организаторы с вами!]

«Грохот, грохот...»

Вспышки молний сопровождалась раскатами грома, на мгновения разрезая ночную тьму.

По извилистому шоссе, напоминавшему ползущую змею, покачиваясь, ехал школьный автобус. Его фары были выключены, и лишь в редком свете пролетающих мимо уличных фонарей можно было разглядеть салон: все два-три десятка мест были заняты людьми. Пассажиры сидели, свесив головы, словно без сознания.

Но в какой-то неуловимый миг они начали один за другим приходить в себя.

Первым делом проснувшиеся в ужасе оглядывались по сторонам. Кто-то закричал, кто-то принялся ругаться – в автобусе воцарился хаос.

— Твою мать! Где это мы?!

— Нас похитили?! Живо звоните в полицию!

— Нет сигнала! Не получается дозвониться!

— Эй, водитель! Тормози! Куда ты нас везешь?!

Несколько мужчин, громко переругиваясь, сорвали ремни безопасности и гурьбой бросились к водительскому креслу.

Главарь, изрыгая проклятия, схватился за спинку сиденья, но не успел вымолвить и слова бранного, как взвизгнул, точно увидел призрака.

— А-а-а-а-а!!

— Черт! Напугал до смерти! Чего орешь?!

— За рулем никого нет! Совсем никого, а-а-а-а!!

— Это же катафалк! Автобус-призрак!

Крики окончательно пробудили тех, кто еще пребывал в забытии. Столкнувшись с безумием в салоне, они тоже впали в панику.

Хэ Цзяоцзяо была одной из тех, кого разбудил этот шум.

Обычная старшеклассница, она только вчера сдала выпускные экзамены и мечтала лишь о том, чтобы хорошенько выспаться. А открыв глаза, обнаружила себя в этом автобусе.

Сейчас она была совершенно растеряна, но смутное предчувствие подсказывало: к прежней спокойной жизни пути больше нет.

Пока пассажиров охватывал ужас, окна по обе стороны автобуса внезапно вспыхнули.

И не только окна – любая стеклянная поверхность превратилась в электронный экран, на котором проступили одни и те же строки.

Шрифт был кричащим, жирным и безвкусным, как в дешевых компьютерных играх. Сочетание ярко-розового и флуоресцентного синего резало глаза, буквы постоянно мигали и подпрыгивали, вызывая тошноту, но сейчас они приковали к себе взгляды всех присутствующих.

Хэ Цзяоцзяо сидела как раз у окна, поэтому видела всё отчетливо.

[Добро пожаловать в «Смертельную ставку»!]

[Правила игры в этом автобусе: пожалуйста, отрубите головы всем, кроме себя. До прибытия на станцию в живых должен остаться только один человек. Если по прибытии условие не будет выполнено, сработает взрывное устройство. Все пассажиры будут уничтожены!]

[Напоследок желаем игрокам приятной смертельной ставки!]

[Организаторы с вами!]

Это пожелание звучало донельзя нелепо.

Разве ставка на собственную жизнь может быть приятной?

Как это вообще может приносить удовольствие?

— У-у... — Хэ Цзяоцзяо задрожала всем телом. В горле словно застыл цемент, мешая издать хоть звук. Она подняла глаза, желая проверить, такие же ли надписи на других окнах, но в этот момент перед ней вспыхнул светящийся шар.

Следом раздался звук, похожий на эффект открытия лутбокса в видеоигре, посыпались сине-зеленые конфетти, и прямо из воздуха в руки Хэ Цзяоцзяо упал разделочный нож длиной в половину ее предплечья.

Ощувив тяжесть клинка, Хэ Цзяоцзяо в ужасе широко распахнула глаза. В это же время в салоне раздались десятки подобных звуков – очевидно, каждый получил свое оружие.

В автобусе воцарилась гробовая тишина.

Никто здесь не был дураком. После того как они внезапно оказались здесь, страх рано или поздно должен был уступить место осознанию.

Было очевидно: их захватила некая непостижимая сила. И если она смогла собрать их всех из разных уголков страны в одном автобусе, значит, она способна и на большее.

Например, заставить их играть в игру, где ставкой служит жизнь.

Например, за всем этим стоит некий кукловод, которому нужны их головы.

Никто не знал, сколько времени прошло.

Школьный автобус, покачиваясь, наконец добрался до конечной остановки ровно в двенадцать часов ночи.

Пунктом назначения оказалась Старшая школа горы Ушань. У ворот уже стояло несколько человек; их лица выглядели отрешёнными, будто они только что пережили что-то по-настоящему жуткое.

Рядом с ними находилась женщина в деловом костюме. Она вела себя непринужденно, на губах играла ленивая улыбка, подчеркнутая красной помадой. В руках она держала регистрационный лист, в котором отмечала прибывших.

Атмосфера среди стоящих у ворот была гнетущей. Казалось, они сами не знали, чего ждут, но когда школьный автобус, подпрыгивая на ухабах, подкатил к ним, на их лицах сменилась целая гамма эмоций, пока не остался один лишь страх.

Один мужчина, не выдержав психического давления, присел у обочины, и его вырвало.

Но все взгляды были прикованы к дверям автобуса. Люди даже начали понемногу пятиться, желая оказаться как можно дальше.

— Еще один... Они приходят ровно раз в час...

— Приехало уже несколько автобусов, но никто из них так и не вышел...

— Неужели и в этом все погибли...

Их опасения не подтвердились. Как только машина замерла, двери со скрипом распахнулись на глазах у толпы...

— Открылись!

— То, что двери открылись, еще не значит, что кто-то выйдет. С прошлым было так же... — пробормотал кто-то в толпе, пытаясь утешить себя.

Вопреки ожиданиям, из автобуса действительно кто-то вышел.

Это была девушка лет восемнадцати-девятнадцати с длинными прямыми черными волосами. На ней была стандартная летняя школьная форма с юбкой. Единственным отличием было то, что в руке она сжимала разделочный нож.

Окружающие замерли в изумлении, смешанном с опаской.

В каждом автобусе правила были свои, и выжившие, как правило, были людьми крайне осторожными и недоверчивыми. До этого момента лишь немногие рискнули обменяться именами, и никто не мог быть уверен, настоящие ли они.

Тем более никто не знал, в чем заключалась игра в других автобусах.

Но ни в одной из них, похоже, не выдавали холодное оружие.

Эта девушка стала единственным источником явной угрозы в их группе.

Толпа безоружных людей и один человек с ножом.

Расклад был очевиден.

Одежда девушки была чистой и опрятной, но все понимали: это сработала функция самоочистки транспорта.

Какая бы мерзость ни случилась в автобусе, как бы ты ни испачкался и какие бы раны ни получил – если ты победил, в момент выхода твоё тело вернется в идеальное состояние.

Поэтому внешне девушка выглядела нетронутой, но ее пустой взгляд и дрожащие руки выдавали: игра, через которую она прошла, была куда страшнее обычного.

— Кажется, наш последний ученик прибыл, — заговорила наконец женщина-учитель с регистрационным листом. Ее губы сохраняли профессиональную улыбку, которая в глазах игроков выглядела пугающе.

— Позвольте представиться. Вы можете называть меня Анна. Я специальный помощник директора, отвечаю за прием гостей и новых учеников.

— Новоприбывшая, подойдите ко мне для регистрации. После этого я распределю вас по общежитиям. Сегодня отдохайте, завтра в девять утра начнутся занятия. Вам нужно быть на спортивной площадке за полчаса до начала, там я распределю вас по классам, — голос Анны звучал кокетливо. Она была красива, с соблазнительной фигурой, и некоторые игроки, поддавшись ее очарованию, невольно расслабились.

Но затем ее тон резко изменился, и она словно жадно сглотнула слюну:

— Разумеется, если завтра утром в живых останется хотя бы десять человек~

В этой фразе сквозила неприкрытая злоба.

Им прямо дали понять: сегодняшняя ночь будет смертельно опасной.

Хэ Цзяоцзя перевела взгляд на Анну и шагнула к ней. Она попыталась что-то сказать, но обнаружила, что от пережитого ужаса голос совсем охрип, поэтому просто промолчала.

Анна взглянула на нее, пролиستала записи и нашла страницу Хэ Цзяоцзя. Девушке оставалось только поставить галочку.

Анна улыбнулась и закрыла папку. — Отлично, все десять новичков в сборе. Идите за мной.

В ту самую секунду, когда они переступили порог Старшей школы горы Ушань, в голове у каждого прозвучал один и тот же голос.

[Поздравляем игроков с прохождением отборочного тура. Теперь вы – официальные игроки и вступаете в «Смертельную ставку»!]

[Принудительная ставка открыта!]

[Суть ставки: сможете ли вы выжить в этом сценарии до самого финала?]

[Пожалуйста, выберите: Да/Нет]

[Выбор «Да»: при успешном выживании вы получите щедрые фишки жизни и смерти; в случае неудачи – казнь на месте!]

[Выбор «Нет»: в случае смерти при естественных обстоятельствах без нарушения образа (ООС), подтвержденной системой, вы получите щедрые фишки жизни и смерти и фишку воскрешения (x1). Если вы не умрете в процессе игры, ставка считается проигранной, и вы будете казнены на месте после подведения итогов!]

[Полезный совет: игрокам запрещено узнавать друг у друга выбранные ими фишки!]

[Просим игроков твердо запомнить вышеизложенные правила. Впредь Организаторы больше не будут давать объяснений!]

[Пожалуйста, принимайте решение обдуманно! Желаем приятной смертельной ставки с Организаторами!]

[Организаторы напоминают: ставок может быть множество, но жизнь – всего одна!]

[Организаторы с вами!]

Хэ Цзяоцзяо чувствовала, что задыхается.

Ей казалось, что мир рушится.

Что это за... игра?! Это вообще игра?

Почему с самого начала нужно ставить на кон собственную жизнь?

Если выбрать «Да», придется из кожи вон лезть, чтобы выжить и пройти этот этап. Но что, если он окажется слишком сложным... или она просто не справится? Она не гений, она обычный человек, как ей прикажете выживать?

Но если выбрать «Нет» и не упустить момент, чтобы «естественно» погибнуть... А вдруг ей просто невообразимо повезет, и подходящего случая не представится, и она доживет до конца? Что тогда?

Эта игра была пропитана злобой, она подталкивала людей к гибели.

Куда ни кинь – всюду смерть.

Стиснув зубы, Хэ Цзяоцзяо от тревоги принялась грызть ногти. В этот момент перед глазами всплыл красный таймер.

[10]

[9]

[8]

...

Хэ Цзяоцзяо изо всех сил ущипнула себя за мочку уха и, находясь на грани срыва, выбрала

[Да].

Система, казалось, удовлетворенно хмыкнула.

Хэ Цзяоцзяо увидела, как из пустоты протянулись бледные кукольные руки с металлическими суставами, покрытые непонятными узорами и письменами. Руки ловко раскрылись, и на каждой ладони лежало по фишке размером примерно с половину ладони.

Но надписи на них различались.

На левой было выгравировано [Да].

На правой - [Нет].

Поколебавшись, Хэ Цзяоцзяо взяла фишку с надписью [Да].

Предмет мгновенно исчез, и девушка почувствовала тяжесть на шее. Она коснулась груди: там на кожаном шнурке висел амулет – та самая фишка [Да].

«Наверное, это что-то вроде жетона личности?» — подумала она.

Не найдя ответа, Хэ Цзяоцзяо сдалась и спрятала фишку под воротник.

Пока она пребывала в оцепенении, кто-то внезапно похлопал ее по плечу.

Вздрогнув, она обернулась и нос к носу столкнулась с парой смеющихся лисьих глаз.

Человек, тронувший ее, выглядел как студент лет двадцати. На шее у него виднелся такой же кожаный шнурок, как и у Хэ Цзяоцзяо – значит, он тоже уже сделал свой выбор.

Худощавое тело было облачено в мешковатую школьную форму; очевидно, это было необходимо для соответствия сюжету этого сценария.

В их десятке были и зрелые мужчины, и почти дети, но всех насильно втиснули в роли «учеников старшей школы», что выглядело крайне нелепо.

Парень улыбнулся Хэ Цзяоцзяо. Он был чертовски хорош собой: эти чуть прищуренные лисьи глаза, в которых сквозило хитрое коварство, были его отличительной чертой. Янтарные радужки, низкие брови и родинка под правым глазом делали его похожим на расчетливого плута.

С таким лицом мужчина просто рожден для того, чтобы кружить головы.

Окажись кто-то облапошенным им до последней нитки – это было бы вполне ожидаемо.

Сейчас этот «искуситель» улыбался Хэ Цзяоцзяо. Он слегка склонил голову набок и прижал руку к животу.

— Послушай... у тебя есть что-нибудь поесть?

Хэ Цзяоцзяо опешила: — ...А?

«Серьезно, парень? В такой ситуации тебе еще лезет кусок в горло?!»

Молодой человек выглядел так, будто умирал с голоду. Его плечи поникли, а вид стал жалобным:

— Я весь день не ел, а тут еще эта игра... Живот так сводит, что мочи нет...

Хэ Цзяоцзяо сама не поняла почему, но, глядя на него, почувствовала необъяснимое желание его защитить. Она поспешно пошарила в карманах и выудила батончик «Сникерс».

— Вот, посмотри, подойдет? У меня только это и есть. Мама сунула в карман перед экзаменом, чтобы я могла перекусить, если проголодаюсь.

Увидев батончик, парень просиял. На его лице расцвела благодарная улыбка. Он обеими руками принял подношение, мгновенно сорвал обертку и принялся жевать.

— Спасибо! Ты просто чудо! Как тебя зовут?

Хэ Цзяоцзяо неловко почесала затылок:

— Хэ Цзяоцзяо. «Цзяо», которая из слова «банан».

Заморив червячка, парень явно повеселел. В его облике появилась некая ленивая грация. Он повторил ее интонацию:

— А я Се Чу. «Чу», который из «чучу дунжэнь» – трогательный до слез.

Группа подошла к зданию общежития. Там их ждала другая женщина, одетая так же, как Анна. Анна обернулась и с улыбкой произнесла:

— Девушки, пожалуйста, следуйте за этим учителем в женский корпус.

Девушки, напряженные до предела, нехотя отделились от основной группы. Се Чу заметил, что из десяти человек женщин было всего трое.

Анна проводила их взглядом, после чего повела мужчин к их корпусу.

Она достала из кармана несколько ключей:

— Здесь комнаты рассчитаны на четверых. Те четверо, что слева – в одну комнату, трое справа – в другую.

Се Чу оказался в «тройке».

Немного подкрепившись, он пребывал в добром расположении духа и охотно шел на контакт. Он смиренно поднял руку:

— Учитель, а в нашей школьной столовой вкусно кормят?

— ...

Все присутствующие, включая Анну, сочли его сумасшедшим.

«Ему что, совсем не страшно?! Только о еде и думает!»

Они запомнили этого Се Чу. Пока у ворот ждали последнюю девушку, он успел обойти всех по

кругу с одним и тем же вопросом: «У тебя есть что-нибудь поесть?»

Неужели ему правда не страшно?

У Анны дернулся уголок рта. На миг она усомнилась в себе, но быстро вернула профессиональную улыбку. Взглянув на остальных мужчин, которые едва не мочились от страха, она успокоилась – уверенность в себе вернулась.

— Весьма недурно. Если вам не понравится какое-то блюдо, всегда можете оставить отзыв у окна раздачи.

Услышав это, Се Чу улыбнулся по-настоящему искренне.

«Ну и славно».

Их комната находилась на четвертом этаже. Лифта не было, пришлось топать пешком. Четверка заняла 401-ю, а Се Чу с товарищами – 404-ю.

... Какое несчастливое число.

Однако обстановка в комнате оказалась на удивление приличной. Просторная и чистая комната была рассчитана на четверых: кровати чердачного типа со столами внизу. Логика игры здесь не работала: система даже любезно застелила постели.

— Давайте познакомимся. Я Ли Минмин, — заговорил парень в очках. Он немного заикался. — Мне восемнадцать, я должен был пойти на первый курс.

— Гу Цзыбэй, программист, — представился второй, помешкав. — Двадцать восемь лет.

Се Чу придирчиво оценивал толщину матраса и, поймав на себе их взгляды, отозвался:

— Се Чу, двадцать три года, студент третьего курса.

— Кажется, сейчас можно немного передохнуть... Эм, а что за игра была у вас в автобусе? — Ли Минмин обессиленно опустился на стул. — У нас были «Камень, ножницы, бумага»! Из тридцати человек нужно было выдать серию побед. Проигрыш означал выбывание.

Се Чу первым делом зашел в санузел, быстро умылся и вышел.

Гу Цзыбэй стоял, опершись на каркас кровати. Скользнув взглядом по Се Чу, он задумчиво произнес:

— Хотя тут есть доля вероятности и можно просчитать алгоритм действий противника, но одержать серию побед над тридцатью разными людьми... Твое везение действительно впечатляет.

Се Чу прыснул:

— Да не нужно ему было играть со всеми тридцатью. Так шанс на провал слишком велик.

Ли Минмин слегка покраснел:

— Верно. Мне не пришлось играть со всеми. Достаточно было выиграть всего один раз.

Гу Цзыбэй прозрел:

— Ты дождался, пока они перебьют друг друга, и «вынес» последнего победителя?

Ли Минмин хихикнул:

— Там была жуткая неразбериха. Я просто спрятался под сиденьем и вылез, когда всё закончилось. Бедняга чуть инфаркт не схватил. Хотя это и было немного подло...

Се Чу усмехнулся. Он открыл шкаф и обнаружил там два комплекта пижам и две школьные формы. Даже размер нижнего белья был подобран идеально.

Сердце Се Чу екнуло, но лицо осталось бесстрастным.

Это означало, что игра полностью завладела информацией об их телах.

Только так можно было объяснить эти «чудеса»: идеально сидящую одежду, полотенца любимых цветов и учет привычек каждого.

Се Чу любил мягкие постели, и он уже заметил, что его матрас толще, чем у остальных.

Какая вопиющая наглость.

Это походило на демонстрацию силы: Организаторы по-хозяйски заявляли игрокам, что утаить от них ничего не выйдет.

Твои параметры, размеры и предпочтения – всё в их руках!

«... Какая извращенная игра».

Се Чу взял пижаму и, направляясь в туалет, громко произнес:

— В игре нельзя быть прямолинейным. Твой метод – вполне законный способ прохождения.

Гу Цзыбэй согласно кивнул:

— Это то же самое, что использование информационного преимущества. Раз Организаторы не запретили, значит, так можно.

Ли Минмин повернулся к Гу Цзыбэю:

— А ты? Что было у тебя?

Лицо Гу Цзыбэя помрачнело:

— Моя игра называлась «Цифровая бомба».

Се Чу высунул голову:

— О, я в такое играл.

Ли Минмин в замешательстве захлопал глазами:

— Что еще за «Цифровая бомба»?

— Это такая забава для вечеринок, — начал Гу Цзыбэй. — Организаторы загадывают число в широком диапазоне. Мы по очереди называем числа, и Система сужает рамки. Тот, кто называет загаданное число – проигрывает и выбывает.

— У нас было двадцать девять раундов. В каждом умирал один человек. В последнем раунде второй игрок попал на бомбу, и я победил.

Ли Минмин вроде бы понял, но уточнил:

— А почему у тебя тогда такой вид паршивый?

Гу Цзыбэй глубоко вздохнул, словно заново проживая тот кошмар:

— Потому что у нас на шеях были настоящие бомбы. Назвал число – и всё, взрыв.

— А-а-а?? — Ли Минмин побледнел и невольно схватился за свою голову, проверяя, на месте ли она.

В это время Се Чу вышел из туалета в пижаме и ловко взобрался на кровать. Он даже нашел силы скалаmbурить:

— Прямо «головокружительная» игра. Двадцать девять раундов с бомбой на шее – и ты не сошел с ума. Нервы у тебя стальные.

Гу Цзыбэй горько усмехнулся:

— Видимо, годы работы с неадекватными заказчиками приучили меня к высокому давлению. Хотя я был на грани.

Он говорил спокойно, но в автобусе явно всё было куда сложнее.

Никто не хотел умирать, и каждый наверняка пускался на любые хитрости. Например, можно было сразу назвать число, сильно сужающее диапазон, чтобы подставить следующего игрока. Смертность в таких условиях возрастает в разы.

Гу Цзыбэй потер переносицу, желая поскорее забыть эти интриги:

— А как насчет тебя, Се Чу? Что было в твоём автобусе?

Се Чу переоделся в черную шелковую пижаму. После умывания кончики его волос намокли, отчего он выглядел совсем безобидным. Шнурок с фишкой ярко выделялся на тонкой белой шее – черное на белом, резало глаз.

Гу Цзыбэй сглотнул. «Такому только в брачные аферисты идти», – подумал он. Но, увы, этот «аферист» разводил людей только на еду.

Се Чу разлегся на кровати, подперев щеку ладонью и весело прищурившись:

— Моя игра называлась «У меня есть, а у тебя – нет».

Ли Минмин тут же поднял руку:

— Я видел, как в такое играют!

Гу Цзыбэй кивнул:

— Это когда у каждого по десять пальцев, символизирующих жизни. Каждый называет то, что он делал, а другие – нет. Те, кто не делал, загибают палец в наказание.

Се Чу улыбнулся:

— Но были нюансы.

— Нюансы? — удивился Гу Цзыбэй. — Правила этой игры могут слегка отличаться в разных компаниях, но суть-то одна.

Се Чу кивнул, буквально зарываясь в постель:

— Суть та же. Но Организаторы, чтобы игроки не начали намеренно топить друг друга невыполнимыми условиями, установили правило: играть можно только один на один.

— Но жизни у всех разные, и придумать что-то уникальное проще простого. Однако если условия выдвигает не игрок, а кто-то со стороны, то игра становится куда справедливее.

— Я это подметил и переговорил с Организаторами.

Се Чу лукаво выглянул из-под одеяла. Его лисьи глазки так и манили.

— Мне повезло: я убедил Организаторов изменить правила. В итоге условия выдвигали они, а участвовал весь автобус.

Се Чу растопырил длинные изящные пальцы. На руках у него было два простых серебряных кольца, которые поблескивали, пока он вертел ладонями в такт своему чистому голосу.

— Я изменил правила так: если ты НЕ делал того, что назвал Организатор, ты загибаешь палец. Если делал – нет. Тот, кто первым загнет все десять пальцев – побеждает. Остальные – казнь на месте.

Гу Цзыбэй нахмурился. Се Чу превратил игру на выбывание в массовую бойню.

— ...И какие же условия они называли?

Се Чу осклабился:

— Ну, например: «я убивал мелких животных», «я завидовал другим», «я травил сверстников», «я бил домочадцев», «я воровал деньги», «я списывал на экзаменах», «я грубил учителям», «я шел по головам, чтобы получить желаемое»... И всё в таком духе~

Се Чу перевернулся и растянулся на кровати.

— Вы не представляете, какое это было зрелище. В одну секунду они клеймят соседа за грехи, а в следующую – сами оказываются под ударом. Было забавно.

— Мне повезло, я первым загнул все десять пальцев~

Ли Минмина и Гу Цзыбэй обдало холодом. Глядя на улыбающегося Се Чу, они почувствовали, как по спинам поползли мурашки.

Их пугали не столько сами проступки – в конце концов, они попали в «Смертельную ставку», а эта игра сама по себе была воплощением насилия.

Пугал Се Чу.

Он был похож на невинного, но жестокого демона. Одним движением языка он изменил правила и чужими руками прикончил двадцать девять человек, не пролив ни капли их крови сам.

Смотрите сами: условия ставили Организаторы, убивали правила.

При чем тут Се Чу?

Это те люди были «грязными», у каждого нашлось темное пятно в биографии, которое и стало детонатором.

Более того, под некоторые условия, что назвал Се Чу, и Ли Минмин, и Гу Цзыбэй уже попадали.

Они не верили, что в мире есть настолько чистые люди. Младенец-переросток?

Ни единого дурного помысла за всю жизнь?

К тому же Се Чу обладал недюжинной смелостью, раз сумел договориться с Системой и заставил Организаторов подстроиться под него.

Откуда у него была уверенность, что он первым загнет все пальцы?

А если бы нашелся кто-то еще более «добродетельный»?

Гу Цзыбэй не винил Се Чу в жестокости – тот сам был участником игры и рисковал жизнью наравне со всеми. Но итог был налицо: Се Чу победил.

Организаторы не позволили бы ему солгать.

Очевидно, Се Чу этой игрой доказал, что он «хороший человек», но в то же время – крайне опасный противник.

— Как долго длилась ваша игра? — негромко спросил Гу Цзыбэй.

Се Чу на мгновение задумался, подперев подбородок:

— Минут пять, наверное. Я был в первой партии автобусов. Выехал в шесть утра, а в семь уже отметился у ворот. В итоге прождал вас, остальных, до самой ночи. Неудивительно, что я так проголодался...

Гу Цзыбэй почувствовал, как немеют руки. Ужас сковал его.

«Вышел в семь утра?!»

Всего за сутки должно было прийти двадцать четыре автобуса – по одному в час, с шести утра до шести утра следующего дня. Если десять победителей набираются раньше, рейсы прекращаются.

И наоборот: если за двадцать четыре часа десять человек не набралось, день перезапускается, и так до тех пор, пока в Старшую школу горы Ушань не войдет полная группа.

Условия выхода были запредельно жестокими: из тридцати пассажиров каждого автобуса выживал лишь один — лучший.

Остальные автобусы, где победитель не определился, просто исчезали вместе со всеми внутри.

Голова Гу Цзыбэя шла кругом.

Это значило, что Се Чу за пять минут расправился с двадцатью девятью попутчиками, а оставшиеся пятьдесят с лишним минут просто сидел среди трупов и любовался видом из окна?!

Игры остальных длились почти по часу, двадцать девять раундов — это как раз предел времени.

Но игра Се Чу по идее тоже должна была быть затяжной.

А он просто пошевелил языком и сократил ее до пяти минут.

Пять минут — и финал.

Гу Цзыбэй боялся даже смотреть на Се Чу.

«Какая дерзость... Теперь понятно...»

Только такой человек мог в обстановке запредельного стресса жаловаться на голод.

Только такой человек мог спокойно разговаривать со злобными NPC и спрашивать про меню в столовой.

Только такой человек, попав в новое место, первым делом переоделся бы в пижаму, скинул обувь и разлегся на кровати.

В то время как сам Гу Цзыбэй и Ли Минмин были на взводе, готовые в любой момент сорваться и бежать. Им было не до переодеваний.

Гу Цзыбэя затошнило.

Они все были победителями и прекрасно знали, что остается в салоне автобуса.

Всех, кроме победителя, разрывает встроенная бомба. Кровавое месиво, ошметки плоти повсюду.

Твое смешивается с моим.

Можно увидеть, как лопается жир под кожей, как он липкими пятнами разлетается по потолку и окнам.

Развороченные лица, мешанина из мышц, которые продолжают дергаться даже после смерти.

И победитель обязан ждать в этом аду до самой остановки.

Он представил Се Чу: тот сидит, безупречно чистый, посреди горы дымящегося мяса и непринужденно разглядывает пейзаж за окном.

А на остановке Система очищает салон, и он выходит – свежий, улыбчивый. Стоит у ворот, встречает каждый следующий автобус и здоровается со всеми...

...

Ли Минмин покосился на товарища:

— Брат Гу, ты чего? Лица на тебе нет.

Се Чу тоже перевел взгляд на Гу Цзыбэя.

— А... я... кхм... бе-е... — Под взглядом Се Чу у Гу Цзыбэя подкосились ноги, желудок скрутило спазмом, и он, не выдержав, бросился в туалет.

Его рвало долго и мучительно.

Ли Минмин в недоумении пробормотал:

— Что это с ним... Слабоват он духом...

Се Чу мерно постукивал пальцами по краю кровати, что-то насвистывая под нос. — Кто знает... — хмыкнул он.

Поскольку за весь день Гу Цзыбэй маковой росинки во рту не держал, его желудок быстро опустел.

Он вышел из туалета на ватных ногах и снова наткнулся на ироничный взгляд Се Чу.

Эти янтарные, прозрачные глаза были похожи на два глубоких омута.

Если долго смотреть в них, казалось, можно утонуть.

Гу Цзыбэй вздрогнул и выдавил из себя бледную, но дружелюбную улыбку.

Ужасающий человек. С ним не было трудно общаться, с ним даже можно было найти общий язык, но ты никогда не знал, в какой момент Се Чу решит пустить тебя «в расход».

Гу Цзыбэй поклялся себе, что больше никогда не окажется с ним в одном сценарии.

Он долго мялся у шкафа, прежде чем сменить испачканную одежду. Посмотрев на Ли Минмина, который вовсю увлеченно болтал с Се Чу, он тяжело вздохнул.

«Бедный ребенок. Се Чу его продаст, а тот ему еще и спасибо скажет!»

<http://bllate.org/book/22490/2373485>